

4 стр.

Заметки в начале сезона

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ТЕАТР?

Аплодисменты...

гастролерам

— ЛЮБИТЕ ЛИ вы театр? — пылко допытывался когда-то Белинский. И восклицал: «О ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если можете!».

Сегодняшние критики вряд ли рискнут быть столь требовательными. Похоже, на их долю осталось с не меньшей пылкостью и мольбой процитировать урезанную цитату: «Любите театр? О ступайте, ступайте туда... если можете».

Зрители, к сожалению, все чаще не могут. Времени, что ли, не хватает, или телевизор приковывает.

Ну вот, например, вспомните, когда вы были в последний раз в театре? Нет, не на гастролях заезжей труппы. В самом городском? Да вот хотя бы в Приморском театре драмы имени М. Горького. Вспомнили?

Увы, многие не вспомнят, а кто-то назовет из последних виденных спектаклей еще те, где играли Шальников и Присяжнюк. Что-то разладилось в этой цепочке «театр — зрители». Разладилось не только у нас, во Владивостоке — там и в центральных газетах бьет тревогу: куда уходит зритель?

И все же — у нас тоже. Когда на нынешних гастролях на Украине приморские актеры увидели перед кассой, где продавались билеты на их спектакли, длинную очередь, а перед входом услышали вопрос о лишнем билетике, они были ошеломлены. Они не верили своим глазам. Они просто забыли, как выглядят очереди у касс на их спектакли. Даже на очень хорошие спектакли.

И ведь действительно. Нас называют театральным городом. И мы, оправдывая это звание, щедро дарим гастролерам аплодисменты и цветы. Даже кричим им: «Браво!» Хотя, может, и не всегда стоит.

А со спектаклей своих артистов уходим в середине финальной реплики героя. Чтобы успеть в гардероб. Свои ведь, не обидятся. Пусть будут рады, что мы вообще к ним пришли.

Отчего так происходит? Отчего на некоторых благосклонно отмеченных критикой спектаклях в зале сидят по 50—60 человек? Откуда возникла в отношении города и театра этакая прохладца, вежливое равнодушие случайных соседей по лестничной клетке? И чья тут вина? Зрителей, режиссеров, артистов? Попробуем разобраться. А для этого уточним: с чего начинается театр?

Хроника не по Шекспиру

КОГДА-ТО Станиславский утверждал, что с вешалки. Но не секрет, чтобы дойти до гардероба, зритель сначала должен вообще захотеть в театр прийти. То есть его нужно пригласить. Вежливо, интеллигентно, культурно.

К сожалению, пока владивостокцы с таким приглашением могут только мечтать. Как заявляет о себе театр? Расплывшимися, выцветшими афишами, что «висят на заборе, крышуются ветром». Похосившимися щитами у входа, которые сообщают о состоявшейся два месяца назад премьере. И... да вот, собственно, и все.

Честное слово, общаться с таким неаккуратным, неряшливым собеседником не очень хочется. А ведь когда коллектив выезжает на гастроли, он готовит специальные выносные афишные тумбы с яркими фотографиями, стенды, броские ленты-рекламы. Я уже не говорю о том, что лет пять назад все мы были приятно удивлены, обнаружив в почтовых ящиках вместе с газетами листки с репертуаром театра на месяц. С тех пор эта приятная неожиданность не повторялась.

Выходит, театр не так уж хочет видеть нас в гостях?

Так, да не так. Есть здесь и свои сложности. Ну вот, например, в городе Омске 250 витрин для рекламы. В городе Владивостоке их... восемь. И пока дирекция театра выясняет с отделом культуры горисполкома, кто должен ставить такие щиты, мы живем в полном неведении относительно всяких театральных дел.

Но вот, прочитав объявление в газете, мы все же добрались до знаменитой вешалки. И... «Не стоит спешить сдавать пальто», — вежливо предупреждают нас гардеробщики.

Они знают, что говорят. В зале холодно. Так что, например, на спектакле «Метель» зрителям очень легко согреться со снежно-вьюжной атмосферой. Ну, а если идут «Дети солнца»? Тут уж кутаться в пальто и украдкой дышать на пальцы вроде как неудобно. Театр все-таки. Так что и зрители здесь тоже не раскиснешь. Даже когда за шиворот льет настоящий дождь. А льет он, как вы понимаете, не для усиления эффекта присутствия. Просто прохудилась крыша. О нем театр за два года написал 28 писем в разные инстанции.

Зато теперь у театра есть своя хроника. Нет, совсем не шекспировская, и, поставь ее на сцене, аплодировать было бы нечему. Это

— хроника переписки. Переписка о крыше увенчалась-таки успехом — недаром ее починили. А переписка с горисполкомом по поводу нужного режима подачи тепла — в самом разгаре. Как сказал бы Станиславский — в кульминации.

Что ж, вывод напрашивается сам собой — театр должны любить не только зрители.

Но вот, представим, что все в порядке. Выдался теплый ненаждливый вечер, и мы, уютно устроившись, сидим в зале. Чего мы ждем?

Спектаклей хороших и разных. А между тем... За последние годы афиша театра складывалась так, что в центре сезона стоял «гвоздь», ведущий спектакль, на который тратились основные силы и средства. Его ставил главный режиссер, и спектакль получался отменным. А «гвоздь» окружали спектакли разные, но... как бы сказать, менее хорошие. Их ставили очередные режиссеры, чаще всего — случайные. Постоянного второго режиссера, со своим творческим почерком в театре давным-давно нет. Получалось, что истинные театралы приходили сюда два раза в год на избранные постановки. И оставались довольны. Основная масса зрителей ходила «на что попадет». И оставалась недовольной. Отсюда и произошли «ножницы» в оценках: в пику своим спектаклям Приморский театр поднялся на очень высокий профессиональный уровень, чем и заслужил дружное признание критиков. А в рядовых своих работах он оставался... рядовым. Несмотря на то, что играли здесь те же прекрасные актеры.

Сейчас театр постепенно переориентируется. Новый главный режиссер Е. Завеняцкий пытается выстроить репертуар из ярких и броских привлекательных названий. Теперь задача в том, чтобы сохранить в этом многоцветье тот уровень, что достигался прежде в «гвоздях» сезона, и не пойти на поводу у кассового успеха.

Но вот на сцене — действительно интересный, захватывающий спектакль.

А зритель кто?

вправе спросить мы и оглянуться. Что же мы увидим?

...Вполне взрослые десятиклассники делают самозащитки и пускают их на сцену. Одновременно они громко (а то из-за актеров не слышно) обсуждают свои школьные дела. Ребята из СГПУ вообще устроились кружочком и уже играют в какую-то игру, видимо, очень веселую... Им на весь зал делает замечания мужчина в спортивной куртке. Две подруги свистящим шепотом обсуждают прическу героини.

Типичная картина. Но откуда же взялись в нашем театральном городе такие метаатеатральные зрители, от которых плачут после спектаклей актрисы в гримерках?

Да из нашего города и взялись. Мы сами их воспитали.

Социологи установили, что театральным городом становится тогда, когда зритель в нем воспитывается с малых лет. Если человек первично ходил в кукольный театр, в старших классах стал завсегдатаем ТЮЗа, то и потом, выросши из коллективных школьных посещений, он перейдет «по наследству» во взрослый театр культурным и постоянным зрителем.

У нас же этой преемственности не наблюдается. Во-первых, потому, что отнюдь не все желающие может принять театр кукол, приютившийся в тесной комнатухе на улице Ленинской. Да и каким правилам поведения научится здесь ребенок, если такие понятия, как «фойе», «театральный буфет», «ложка», «партер», здесь отсутствуют за наименованием?

ТЮЗ в последние два года для города как бы вообще перестал существовать. Пока решается вопрос: отремонтировать ли старое здание, строить ли новое, труппа скитается по гастролям и постепенно распадается. Так что в один прекрасный день мы можем остаться вообще без театра юных зрителей.

А ведь он в воспитании юных граждан — не просто театралов — необходимое и существенное звено. Пока же иногда получается, что человек приходит в театр в первый раз в 18—20 лет, смутно припоминая свой дошкольный кукольный опыт.

Такой зритель не просто не знает, как нужно себя вести, — он не сразу воспримет театральные язык, где вместо декораций могут быть железные конструкции, а вместо настоящих яств — бутафорские яблоки и груши. Пониманию условностям театра тоже надо учить. И взрослый театр берет на себя такую задачу. Правда, не всегда с нею справляется. Потому что из всех многочисленных форм работы со зрителями все еще предпочитает «по старинке» только обсуждения спектаклей и шефские концерты. Вот и получается, что разговаривают порой актеры со зрителями на разных языках. Что же делать? Как наладить эту распавшуюся цепочку? Ответ прост.

Театр надо любить. И тем, кто в нем работает, и тем, кто в него ходит, и тем, кто им ведает. Любить за его заслуги — в их у актеров немало. И любить просто так — за то, что он театр. Никакой не заезжий. А свой. Значит, и делить печали и радости нам с ним долго. Всю жизнь.

Н. БАРАБАШ